

МОЁ НЕФИЛОСОФСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ¹

О.В. Попова
Институт философии РАН

Аннотация: В эссеистических заметках приводятся воспоминания о студенческой жизни в конце 90-х – начале 2000-х, позволяющие дать некоторое представление об особенностях формирования философа в университетской среде, его адаптации к быту в обществе и пространстве города.

Ключевые слова: философское поколение, университет, общество, образование, студенты.

Введение

Представленные читателю заметки будут отражать размышления о поколении моих однокурсников, с которыми мне удалось оказаться в университетском хронотопе в конце 90-х – начале 2000-х.

Попытка найти объединяющую идею нашего поколения наверняка потерпит фиаско. Скорее можно перечислить бесконечное множество факторов, которые нас разъединяли. Распалась огромная страна, разорвалась цепь ценностей и смыслов. Дух коллективизма уступил место переходящему все грани приличия индивидуализму.

Перелом исторической эпохи, произошедший в 90-е годы, вызвал определенный разрыв исторического сознания и в целом оказал парализующее влияние на молодых людей. Характерным психологическим состоянием многих моих ровесников были растерянность и неуверенность. Криминальный беспредел, наркотики и алкоголь выкашивали юных. Розовые очки многие снимали еще в раннем детстве. Романтизация действительности в целом не была характерна для представителей нашего поколения. Возможно, исторические особенности развития страны и послужили для многих толчком к поиску смысла существования и обусловили выбор в пользу философского образования.

С одной стороны, мы выросли в советское прошлое и шлейф идентичности пионеров и октябрят тянулся за нами долгие годы. Окружающую реальность в ранние школьные годы наполнял умеренный общественно-политический пафос, правда, отношение к нему уже было достаточно формальным. Майские демонстрации и чествование Октябрьской революции успешно конкурировали с абсолютно аполитичными туристическими походами. Военные зарницы с казаками-разбойниками и веселой дворовой жизнью.

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 970–990.

С другой стороны, с раннего детства мы привыкали жить в эпоху перемен, простаивая вместе с родителями в магазинных очередях, ожидая, когда что-нибудь «выкинут», испытывая недостаток продуктов и промышленных товаров, обсуждали во дворах угрозу третьей мировой войны и слушали рассказы ветеранов об Отечественной войне, и располагали какой-то минимальной информацией о случившемся Чернобыле и начавшейся перестройке.

Детство, прошедшее в 80-е годы, оставило свой неповторимый душевный багаж. Кто-то носился в противогазах на уроках физкультуры, кто-то взбирался на горы Камчатки, кто-то покорял Америку по программе школьных обменов. У каждого была своя биографическая изюминка. В 90-е годы именно она стала спасительной в минном поле исторической и геополитической неопределенности, позволяла человеку держаться на плаву.

К окончанию начальной школы многие балансировали на грани реальности и гротескного ее искажения. Еще вчера по отношению к Ленину употребляли исключительно положительные эпитеты, а сегодня все школьники снимали галстуки. Еще вчера все измерялось в категориях долга и ответственности, а уже сегодня все вытесняли экономические категории, открывались «Макдоналдсы» и шел процесс приватизации. В мире идей, как и в мире людей, было не всё спокойно.

Мне кажется, мое (не)философское поколение с детства впитывало этот дух неустойчивости и усваивало веру в то, что никакая идеология не должна быть всепоглощающей, идеи могут обманывать и заводить в тупик. Эпоха прививала определенный политический цинизм, подозрение к любым формам правления и манипуляциям в духовной сфере общества.

Гуманизм, который сопровождал явление перестройки², казалось, оказался полностью исчерпан в 90-е годы. Страна вступила во время декаданса, предельно жесткое и подчас жестокое. Страна училась плавать на турбулентных волнах политики.

Кто знал, что моя работа в Институте философии начнется в отделе, вышедшем из основанного академиком И. Т. Фроловым Института человека, бывшим в те годы помощником Горбачева по идеологии.

Среди моих однокурсников были те, кто серьезно пострадал от национального вопроса, вспыхнувшего в конце 80-х – начале 90-х в разных республиках Советского Союза. Кому-то пришлось переезжать, в буквальном смысле стать беженцем, кто-то, уехав в Москву, опасался за оставшихся родных. Война в Чечне, военные конфликты в бывших советских республиках, резкая поляризация общества на богатых и бедных, трагедии «Норд-Оста» и Беслана определили дух времени и внесли достаточную долю неуверенности в жизнь всего философского поколения. В то же время эти процессы определили его достаточно раннее взросление.

Выживание

Учебный процесс у многих моих однокурсников, в особенности проживающих в общности (к которым относилась и я), был крайне замешан на решении бытовых проблем, связан с постоянной борьбой за выживание. Студенты приезжали с разных уголков постсоветского пространства. Многие оставались без материальной поддержки родителей. Разруха в регионах усиливалась день ото дня. Москва же давала жизни шанс.

На первых курсах, когда происходил резкий взлет цен, а голодающих студентов становилось все больше, в качестве помощи от университета (МГУ) давали продуктовые наборы. Кроме того, какое-то время существовала система поддержки крайне малоимущих продуктовыми талонами. Длилось, к сожалению, это не долго и охватывало весьма незначительную часть студенческого сообщества. На фоне недостатка в питании энтузиазм учиться у многих часто пропадал. Возникали мысли лишь о хлебе насущном.

² Кто знал, что моя работа в Институте философии начнется в отделе, вышедшем из основанного академиком И. Т. Фроловым Института человека, бывшим те годы помощником Горбачева по идеологии.

Проживающие в общежитии студенты пытались выходить из этой ситуации креативно. Продумывались алгоритмы жизни в складчину, особые техники пропитания. Изобреталась еда, соответствующая цайтгайсту.

Вспоминаю одну такую кулинарную инновацию из нашей комнаты общежития – салат из кильки, сухой лапши и майонеза. Он носил звучное название «Маргинальный». Во многом это была характеристика не только салата...

Комнаты часто напоминали труппы. Зимой плохо отапливали и дуло со всех щелей. Прямо на кровати ставились обогреватели, правда, с последствиями в виде тлеющих одеял. В этих условиях вырабатывалась привычка наблюдать резкое проявление комического во всех сферах жизни. Здоровое осмеяние бытового кошмара стало повседневной практикой и со временем только усилилось. В то же время бытовой дизадаптов был одной из главных причин, почему многие студенты бросали занятия философией, несмотря на захватывающий процесс обучения. Экономии на всем, и иногда элементарно не хватало денег на проезд в транспорте. Ловля зайцев была обычным явлением, большинство студентов проходили через этот унижительный процесс с запугиванием милицией и моральным давлением на морозе.

Кроме того, периодически что-то воровали, нападали у общежития, лишая последнего, милиция тормозила за просроченные или утраченные регистрации (они выдавались на отдельной бумаге), периодически давала сбой только появившаяся о себе страховая медицина и в поликлиниках отказывались принимать медицинские полисы и т. д. и т. п.

В свете этих факторов обучение на философском факультете МГУ и проживание в университетских общежитиях в конце 90-х оказывало масштабное влияние на трансформацию личности.

Учеба была достаточно напряженной. На первых курсах студентам-философам особенно доставалось от логиков. Как и положено гуманитариям, многие также страдали от математики. Строгие доказательства теорем, очевидно, особым образом конституируют характер преподавателей этих дисциплин. Уже с первых занятий было понятно, что на экзамене поблажек не будет и об автоматах можно и не заикаться. Бесконечные пересдачи по логике, дополняющиеся сложностями с математикой, были определенной формой философской селекции.

Некоторые вынуждены были уходить в академический отпуск, психологически и физически не выдерживали зубодробильную подготовку к пересдачам. Если такое случалось, для проживающих в общежитии возникал вопрос, где жить. Домой, как правило, на возвращались. Чаще всего стыдились обмануть ожидания своих родителей, поэтому шли на разные ухищрения, чтобы не уезжать во время академического отпуска из Москвы и остаться жить в общежитии.

В комнатах общежития иногда проживали и вылетевшие с факультета. Их прикрывали товарищи. Кто-то окольными путями договаривался с охранниками или администрацией, кто-то по пожарной лестнице добирался до своего этажа. Так одно время проникала в свою комнату одна моя однокурсница. Однажды ее остановил в одном из храмов священник и спросил, почему она постоянно ходит в брюках и что это не подобает воцерковленной девушке. Она смутилась, но, подумав, честно рассказала, как она будет добираться домой. Священник испытал эмоциональное потрясение и начал голосить: «Прости, сестра». Жила она на 11-м этаже.

Тема «нелегалов» висела дамокловым мечом над всеми общежитиями МГУ. Еще один мой приятель, будучи отчисленным из университета по материальным причинам (у матери не было возможности платить за обучение), пробирался в общежитие через балконы. Как-то ночью он «застукал» там администратора, вывозившего окольным путем новую мебель. Студенты же спали на старых разваливающихся кроватях, заселенных клопами.

Вспоминая последних, стоит сказать, что на борьбу с ними переводилась лучшая женская парфюмерия. Ароматный эксперимент, как правило, заканчивался неудачно не столько

для паразитов, сколько для студенток, лишая их драгоценных капель дорогих французских духов.

* * *

Столица рассматривалась многими студентами уже не столько как центр философского образования (хотя все испытывали пиетет перед философией и благоговели перед преподавателями, и дух дискуссий пронизывал все наше существование), но как возможность элементарно найти работу и выжить.

Многие девушки устраивались официантками в рестораны, ночные клубы и казино. Однако это была особая среда, плохо совместимая с учебой. На слуху были рассказы о затягивании в женский VIP-эскорт, о вовлечении в занятия проституцией. Рынок сексуальных услуг в 90-е годы широко разрастался, охватывая все слои общества. Голодное студенчество играло на руку этой тенденции. Вообще тема голода, недостатка денежных средств возникала постоянно в разных вариациях и у студентов, и у преподавателей. Помню, как одна моя знакомая призналась мне, что из-за недостатка средств питается каждый день исключительно геркулесом и вся ее вкусовая чувствительность фактически атрофировалась. К сожалению, такая ситуация не была единичным явлением, те, кто учился и жил на стипендию, не имея каких-то дополнительных источников заработка, в буквальном смысле голодали.

Философия выживания с первых же дней обучения стала вытеснять академическую философию. Творилась она безукоризненно. Работали очень многие, студентов, которые могли позволить себе не работать и спокойно учиться, было чрезвычайно мало. Однако это имело конкретный адаптивный эффект. Из моих однокурсников 2003 и 2004 годов выпуска большинство приезжих студентов остались в Москве, многие впоследствии перевезли своих родных, часть устроили впоследствии свою жизнь за границей. Тех, кто возвратился к себе на родину, фактически не было. К обучению в аспирантуре за плечами у некоторых уже был определенный стаж работы и выплачивались ипотечные кредиты. У многих были семьи и дети.

Однако на философию как таковую уже не оставалось времени. Продолжительное время работы в бизнесе и жесткие условия занятости ставили крест на научной деятельности. Бизнес требовал полной отдачи. Нормальная наука тоже.

Это были разные миры, которые в судьбе конкретного человека пересекались очень напряженно, даже болезненно. Преподавательских ставок было чрезвычайно мало, устроиться работать по специальности удавалось единицам, но и они из-за чрезвычайного минимума зарплат задерживались на такой работе, как правило, ненадолго. У многих возникало ощущение ненужности философии, ее бесполезности. Кто-то шел в школы и подрабатывал там. Некоторые работали репетиторами или вели кружки.

Но всё-таки общим трендом был коммерческий сектор. На последних курсах наблюдался своего рода экзистенциальный кризис: студенты ломались, пытались работать на двух «хозяев», совмещая и занятия философией, и свою работу. Некоторым приходила мысль о получении второго высшего образования, и студенты погружались в другую специальность.

«Надежды кафедр» нередко обзаводились семьей и в условиях не самой радужной экономической перспективы быстро утрачивали свой потенциальный научный статус. Нужно сказать, что философское образование раскрывало человека очень разносторонне и не ограничивало в выборе своего пути. Многие поменяли свои жизненные траектории, ушли из философии в область экономики, политики, журналистики и PR. Фундаментальное образование смогло дать базу для деятельности в совершенно разных сферах жизни. Еще на первых курсах декан философского факультета МГУ В. В. Миронов подчеркивал, что многие философы оказываются успешными в сфере менеджмента. Так и происходило. Не имея образования в области управления, философы каким-то образом оказывались на управляющих постах совершенно различных компаний. Возможно, на это влияло глубокое персональное усвоение управленческих истин Платона.

Не могу сказать, что описанные процессы «утечки мозгов» в другие сферы свидетельствовали о стремительном уменьшении ценности философии в глазах студентов. Скорее, она уже воспринималась как реальность другого мира, плохо соотносящегося с законами этого. Философия впитывалась как сказка, дающая утешение в этом не самом лучшем из миров. Мир возвышенных абстрактных идей отрицал каждодневное существование с его неизбежными бытовыми законами – поиском крыши над головой, оплатой каждодневных нужд, заботой о детях и т. д. и т. п. Но он же и успокаивал, давая свободу в стесненных обстоятельствах.

Мне кажется, эти бытовые детали отчасти помогают понять тренд смещения научных интересов студентов и аспирантов в сторону прикладных исследований. В аспирантуре у многих были вполне земные темы диссертаций. Этика PR, биоэтика, философия искусственного интеллекта, философия образования и философия бедности – все эти аспекты практической философии, наверное, позволяли не раствориться в мире абстракций и не утратить связь с реальностью. Прикладная философия только входила в моду и иногда игнорировалась преподавателями старшей закалки. В этом был резон. Практические темы лишали философию ее умозрительности и глубины, «заземляли» философский словарь. В то же время они были вполне конкретны и соответствовали духу эпохи. Возникла не всегда четко артикулированная оппозиция прикладным исследованиям в области философии, показывающая, что «философия лучше справляется с важными вопросами, чем с неотложными»³.

Общежитие

Жизнь в общежитии отражала хаотичность окружающей реальности: успешно сданная сессия нередко заканчивалась попойкой, разломанной мебелью, выбитыми дверьми. Масштабы разгрома иногда были неопишваемыми. Они в чем-то коррелировали с масштабами разрухи страны. Мы жили в эпоху геополитической неуверенности.

Чеченские кампании конца 90-х и криминальные разборки с кавказской спецификой в самом общежитии дополняли друг друга. Необустроенность быта проявлялась то в потопках, то в пожарах. Помню, как в конце 90-х после прогулки в город вернулась в общежитие и увидела черные стены своего этажа в ДАСе⁴. Пожар потушили, но людям пришлось оказывать и материальную, и психологическую помощь.

В эти же годы произошел пожар в семейном общежитии ДСК. Были распространены рассказы о масштабах этой трагедии, о ставших за один день неполными семьями.

Бытовые проблемы засасывали в воронку. В ДАСе фактически отсутствовали общие кухни, при этом плитки держать в комнатах запрещали. Запрет обходили стороной – не все могли себе позволить питаться в столовой, но соответственно и пожарные ситуации возникали гораздо чаще.

Постоянно летела сантехника, бесплатно чинить ее отказывались, это было отдельной ощутимой статьей расходов. Обсуждая со своими однокурсниками эти бытовые вещи сейчас, мы удивляемся, насколько спокойно все это воспринималось тогда. Не было желания идти кому-то жаловаться, студенты были слишком-слишком терпеливы и в целом, на фоне тотальной разрухи в государстве, игнорировали свою локальную неустроенность.

Периодически к нам присылали комиссии для оценки бытового состояния общежитий и в целом знакомства с жизнью студентов. Большинство студентов, вселяясь, старались сделать самостоятельно ремонт, и комнаты начинали выглядеть по-человечески. Однако далеко

³ Об этом есть прекрасный пассаж у Г. Хармана [*Harman G. Lockdown and the Sense of Threat* // URL: <https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/> (дата обращения: 07.07.2020)]. В целом же «прикладники» сталкиваются с такого рода позицией регулятора.

⁴ Дом аспиранта и стажера на Шверника – здание общежития, где жили студенты философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

не у всех. «Раскрутить» на ремонт со стороны университета было достаточно сложно. У администрации общежитий был хитрый ход показывать комиссии находящиеся в самом плачевном состоянии комнаты, чтобы выбить деньги.

Забавный произошел случай, когда в нашу комнату 1004 пожаловал вместе с одной из таких комиссией В. В. Миронов. Моими соседками по комнате были тогда девушки с Камчатки. Их родители по своим каналам смогли им передать банку красной икры. На фоне общего голода это была абсолютно сюрреалистическая ситуация. Банка была двухлитровой или даже трехлитровой. Такое событие было решено отметить традиционным русским напитком, который оказался на столе по случайному стечению обстоятельств, поскольку друзья подрабатывали торговлей водкой. На хлеб денег не было от слова совсем... Окинув эту картину долгим философским взглядом, декан выдержал значительную паузу и, широко улыбнувшись, сказал: «А ничего так студенты живут.» От приглашения за стол, правда, как мы ни старались заманить, отказался.

Представленные выше бытовые зарисовки были неотделимы от самого процесса философствования. Самые жаркие философские дебаты происходили всегда в общежитии. Иногда доходило до драк. Мысль всегда там пульсировала в особой экзистенциальной ситуации. Правда, и полная остановка суждений также могла наступить. Быт наступал на бытие очень жестко.

Вспоминаю в этой связи свою первую сессию, когда я чуть было не завалила первый экзамен, испытывая психологический стресс от увиденного после возвращения в общежитие из семейного очага. Выломанные двери в туалет и разбитое окно, поломанная мебель. Рада, что не лишилась дара речи. На экзамене наговорила на «тройку».

И начало, и окончание сессий также всегда было связано с бурным выражением чувств. Начальной точкой отсчета был гул из окон перед первым экзаменом, когда ночь наполнялась возгласами «Халява, ловись». Окончание сессий сопровождалось криками радости и у кого-то отчаяния. Вопли радости перемешивались со всхлипываниями. Но и плач быстро иссякал, стресс снимали коллективно.

Вспоминается, как после одного коллективного мероприятия, по итогам успешно сданной сессии, плохо осознающих бытие студентов утром разбудила их однокурсница. Выяснилось, что она пришла за своими тапочками. Ночью после долгой трапезы она умудрилась перепутать дверь с окном и прошла по карнизу до своего местообитания. Это было на одном из верхних этажей. Здесь так и напрашиваются строки И. Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» [Бродский].

Такие экстремальные истории происходили из года в год, думаю, ими пропитаны стены всех студенческих общежитий. Однако периодически общежитие доводило до предела сюрреализм реальности, показывало, как жить совсем не хочется и как жить не надо. В этом смысле для многих оно сыграло свою позитивную роль, подкрепляя решимость зацепиться в столичной жизни и не достичь предела разложения. Проживание там могло полностью выбить студента из колеи. Так и вылетали из учебного процесса.

Здесь хотелось бы сделать отступление и обратить внимание на средовой фактор. В работе «Люди в концлагере» американский психиатр, узник фашистских концлагерей Б. Беттельхейм писал: «Я вынужден был признать, что среда может перевернуть всего человека, и не только в ребенке, но и в зрелом человеке. И чтобы такого не случилось со мной, я должен был признать потенциал этой среды и установить пределы привыкания к ней» [Беттельхейм]. Полагаю, что эта исследовательская стратегия, возникшая как реакция на пребывание в концентрационном лагере, в определенном смысле является универсальной для проживания в любой среде.

Жизнь в общежитии также представляла своеобразную проверку человеческого потенциала привыкания. Везло тем, кто мог фактически как Беттельхейм вынести себя за пределы этой среды. Вспомним, что Беттельхейм стал профессиональным наблюдателем и фиксиро-

вал происходящее в лагере в сознании, описав его впоследствии как ученый, рассматривая его как источник опыта и своего рода духовный тренинг. В противном случае среда становилась источником психологических проблем и давала долго о себе знать даже после окончания обучения или же не давала его закончить вовсе.

Не выдерживая каждодневного трансгрессивного экстаза жизни в общежитии, студенты цеплялись за разные возможности съехать. Мы знали о случаях фиктивных браков. Студенты также перемещались с ДАСа в более спокойную обстановку – общежитие ДСК (дом студента на Кравченко), где уровень комфорта был на порядок выше. Правда, там была другая специфика жизни и обучения. По коридорам бегали дети. Блочная система общежития, с невозмутимо орущими младенцами, оставляла в личности некоторых личностей невротические следы.

Помню, как возмущались мои соседи по общежитию, что я не хочу «сплавить» своих детей куда-нибудь к бабушкам, как это сделали они, и мешаю им учиться и работать.

В целом во время обучения мне пришлось жить в трех разных общежитиях – ДАСе, ГЗ и ДСК, – и нужно сказать, что в каждом из них была своя атмосфера.

ДАС был известен как дом хаоса и студенческого разгула (во всех смыслах), у многих москвичей он еще ассоциировался и с домом терпимости.

Общежитие Главного здания (ГЗ) фактически представляло город в городе. Несмотря на свои пропитанные каким-то особым запахом (смесь китайского риса с индийским карри и чем-то еще), миниатюрные узкие комнатки в 6 кв. м. с высокими потолками, оставляющими впечатление от пробуждения как от подъема в саркофаге, сама его атмосфера глубоко проникала в душу, оставляя ощущение чего-то высокого во всех смыслах слова.

Какие интересные там жили люди! Аспирантские комнатки соседствовали с профессорскими квартирами. Здесь можно было познакомиться с совершенно замечательными людьми. Ходили легенды про профессора А. Н. Чанышева, который, как поговаривали, сбежал в Главное здание от одной из своих жен. Само здание было окутано какими-то мифами и порождало фантазм нелепых слухов и анекдотических историй.

От тех, кто когда-то провел в нем свои лучшие годы, я впоследствии слышала, что они мечтали бы вернуться назад в этот храм знаний, бросив свои уютные, но опостылевшие квартиры. Дух Главного здания МГУ того стоил.

В семейном общежитии ДСК невероятный для общежитий комфорт и уют в начале 2000-х омрачала коммерческая составляющая. Общежитие делилось на зоны для иностранцев, где стояли стиральные машины (отсутствующие у обычных студентов) и были лучшие условия проживания, и зоны для обычных студентов. Эта сегрегация очень давила, так же, как и отношение администрации, которая делила всех по вполне понятным критериям.

Коммерциализация в последние годы вылилась в создание невыносимых условий для проживания супругов-студентов. Помню период в начале 2000-х, когда им просто запрещали жить вместе со своими семьями в случае, если кто-то из членов семьи не был эмгэушником. Тем самым создавались условия, чтобы студенты съезжали из общежития с целью сдать освободившиеся комнаты в аренду.

Многим приходилось договариваться, с помощью денег в том числе. Потом вдруг совместное проживание опять разрешили, прошел слух, что на это повлиял пожар в общежитии ГЗ, во время которого мамы-студентки, оказавшись без помощи мужей-немгушников, не смогли вывести всех детей с верхних этажей...

Так ли это, сложно сказать, но антисемейную политику по отдельному проживанию ряд моих однокурсников хорошо почувствовали на себе, в том числе и я. Она дополнялась периодическими «набегами» администрации, унижительными проверками без стука в дверь и беззастенчивой демонстрацией своей власти.

Постоянное вмешательство в личное пространство приводило к постоянному психологическому дискомфорту. Съехав оттуда, я долгое время видела общежитие в кошмарных

снах. В то же время там была совершенно душевная интернациональная атмосфера, можно было напрямую получать уникальный этнографический опыт о быте иранцев, китайцев, корейцев и представителей других национальностей. Дух толерантности и интереса к ближнему определял все совместное существование, распространенными были взаимоподдержка и дружеские отношения.

Некоторые детали с национальным колоритом вспоминаются до сих пор. Например, особый культ знания у иранцев (и мужчин, и женщин), сидевших допоздна в читальном зале общежития и подававших всем пример постоянной образовательной практики. Или столь же сильный культ предприимчивости у китайцев, с первых же дней создававших в общежитии внутренний бизнес. Торговали готовой едой, преподавали единоборства.

Они были включены в борьбу за выживание, как и все мы. Многие из них, являясь детьми высокопоставленных лиц, старались зацепиться в столице, не особо стремясь возвращаться к себе на родину. Некоторые совмещали и работу, и учебу. Они не были избалованными жизнью, и это всегда подкупало. С некоторыми впоследствии складывались отношения уже по работе.

Работа

Особой темой студенческой жизни были всяческие подработки.

Моя деятельность в разные периоды учебы была связана с оплачиваемыми дежурствами в общежитии, расклейкой объявлений, репетиторством, соц. опросами, редактурой, работой на сетевые торговые структуры и проч., и проч.

Те, кто проживал в общежитиях, коллективно участвовали в избирательных кампаниях. Обычно к избирательным кампаниям подключались целые этажи. Собирали подписи за всех кандидатов сразу. Более активные однокурсники становились организаторами избирательных кампаний. Как правило, это были политологи. У них был выход в Государственную думу, и обо всех политических процессах и связанных с ними подработках они были осведомлены лучше всех. Остальные однокурсники были у них в подмастерьях. Это давало неплохие деньги, некоторые сделали впоследствии на этом себе карьеру в приближенных к политике кругах.

Сам сбор подписей вызывал особое волнение. Отсутствие закрытых подъездов с домофонами упрощало дело. Старшее поколение периодически чем-то угощало и встречало достаточно тепло. Иногда попадались доброжелательные иностранцы, завязывалась дружба на долгие годы. Несмотря на сложное экономическое положение в стране, в целом обычные люди были достаточно открытыми.

В предвыборные кампании политика чувствовалась изнутри: возникали махинации с подписями, откуда-то появлялись базы паспортных данных. Как «честно» проходят предвыборные гонки, студенты знали прекрасно. Именно они во многом и ткали политическую ткань.

Еще одной достаточно частой подработкой было проведение социологических опросов. Периодически от фирм-заказчиков давались странные анкеты на сотни страниц, на основе данных которых выяснялись потребительские предпочтения. Студенты ходили по квартирам, организациям, на улицах. Это открывало Москву изнутри. Общение с жителями московских спальных районов часто выходило за рамки опросов.

Бывали и казусы. Помню, я таким образом пыталась опросить пенсионеров одной из поликлиник о качестве услуг, оказываемых медицинскими учреждениями. Информация о «неудобной» девушке дошла до главного врача, и она с криками выпроводила меня оттуда. Анкетирование не состоялось, но про жизнь московских пенсионеров и их проблемы со здоровьем я узнала достаточно, как и про свойственную всей российской медицине установку «не выносить сор из избы».

Анкеты также часто подделывали. Нужных респондентов, входящих в выборку, часто не оказывалось не месте, многое заполнялось от себя, иногда при проверках попадались на несостыковке данных... Социологическое знание того времени до сих пор вызывает у меня вопросы, как и научное в целом. В этот период на заказ активно писались диссертации, заказывались исследования, сканировались книги и превращались в курсовые и дипломные работы. Система антиплагиата только-только начинала зарождаться. Маргинальные явления в целом были характерны для науки конца 90-х – начала 2000-х. Замешаны в них были многие.

В то же время во время обучения в университете, как мне кажется, усваивалась непреложная истина: знание не должно быть объектом коммодификации. Оно распространялось свободно и открыто.

Многие учились на Межвузовском факультете китайского языка при ИСАА МГУ, впоследствии попадая на стажировки в Китай, кто-то заканчивал Французский колледж МГУ. Иностранные языки также изучались на курсах Г. А. Китайгородской, в Японском центре. Все эти опции были бесплатными и давали дополнительный шанс на жизнь.

Что касается досуга, многие мгушники посещали кружки Дворца пионеров на Воробьевых горах, несколько студентов философского факультета, в том числе я, ходили туда в изостудию и ездили на пленэры с московским художником А. Г. Бортником. Вообще, если позволяло время, использовалась любая возможность для самовыражения. Идентичности художников и философов, синологов, переводчиков и специалистов разных специальностей переплетались и конституировали наше самопонимание, но из-за этого чистая идентичность философа размывалась.

Ставка на получение бесплатного образования определяла наше отношение к студентам-платникам: на них часто смотрели с некоторым недоумением, а иногда и с предубеждением. Они в свою очередь старались перейти на бесплатное обучение, что успешно со временем и осуществляли. Факультет этому всячески способствовал.

Вспоминаю один случай на университетских курсах иностранных языков Г. А. Китайгородской. Нам дали задание написать эссе, где я раскрыла тему науки как бизнес-инкубатора. Тема была новой и отражала дух эпохи. Преподаватель настолько была обескуражена, что можно так воспринимать науку, что у нас молниеносно последовали трудности во взаимной коммуникации.

На занятии с группой она обозначила свою позицию о том, что идентичность ученого противоположна духу предпринимательства. В основном, преподаватели и несли этот дух безвозмездной передачи знания. Ни о каких взятках в годы моего обучения в университете никто и не слышал, распространялись слухи о некоторых факультетах, правдами и неправдами зарабатывающих на иностранцах, но философский факультет здесь всегда стоял особняком.

* * *

Наше поколение очень быстро стало самостоятельным. Изнеженных жизнью были единицы. В основном же студенты были достаточно целеустремленные (правда, не всегда к философии) и работали на свое будущее.

Просить материальной помощи у родителей в нищие 90-е очень многим было стыдно. С началом обучения уже искали подработку. Многие обеспечивали себя уже с первых дней учебы. Понятно, что все это отражалось на ней не самым лучшим образом. Однако были и такие, кто и работал, и учился на пределе, успешно заканчивая впоследствии университет и приобретая несгибаемую волю и умение изменять обстоятельства в свою пользу.

Общество навязывало определенный стандарт жизни, задавая определенную потребительскую планку, следовать которому можно было, только имея работу. Да и просто выжить без нее не представлялось возможным. На 5-м курсе часто устраивались на бесплатные стажировки в компании, об учебе уже вспоминали перед защитой диплома.

Время было совсем не сентиментальное. Часть студентов на последних курсах получали второе высшее образование (журналистское, филологическое, юридическое, экономическое, психологическое), чтобы быть ближе к прагматике жизни. Другая часть (весьма незначительная в количественном отношении) пыталась развиваться в профессиональном плане, мечтали пойти по пути академической карьеры.

Однако этот путь осваивали единицы, большой потребности в преподавателях философии государство не испытывало. Многие уже совсем не думали о выпускном как о торжественном событии – прощании со студенческой жизнью, поскольку с нею они попрощались намного раньше: кто-то имел свой бизнес, кто-то работал на своих же однокурсников. Обучение философии выполняло сугубо инструментальную роль, давало возможность получить диплом МГУ и выйти с ним на тропу построения карьеры и устройства личной жизни.

Никакая студенческая или аспирантская стипендия (даже повышенная) не давала возможности выжить, поэтому многие подрабатывали уже с первого курса. И здесь философский факультет шел навстречу. Разрешалось оформлять индивидуальный график посещаемости, и получившие его студенты договаривались с преподавателями семинаров, когда будут сдаваться те или иные темы. Очень многие этим активно пользовались. Особенно те, кто проживал в общежитии и обеспечивал себя сам. У большинства приехавших было четкое понимание того, что по окончании обучения жить будет негде, а на малую родину возвращаться бесперспективно.

Самый болезненный процесс был связан с переходным периодом – от окончания факультета до поступления в аспирантуру. У кого-то дамокловым мечом висела угроза армейской службы, у кого-то жизнь без определенного места жительства. Помню в этой связи, как мы пытались решить проблему одной работавшей с 1-го курса студентки, которая сделала карьеру в одном из ресторанов быстрого питания, но завалила одну из сессий и вылетела из университета. Угроза ее выселения усилила наши попытки помочь. Рассматривались всякие варианты, в том числе пришел в голову весьма экстравагантный – срочно поступить в одно еврейское учебное заведение, где обеспечивали жильем и материально поддерживали. Проблема в том, что девушка была русской. Пришлось срочно искать в генеалогическом древе еврейские корни.

Общаться по телефону с администрацией пришлось мне. На ходу придумывалась нужная родословная, жизнь обрастала новыми неожиданными деталями и национальной окраской... Проект впоследствии не был реализован по ряду причин, но согласие заведения в целом было получено.

Таких случаев, где приходилось выходить за рамки сложившихся представлений и срочно придумывать варианты спасения «вылетевших» однокурсников было приличное количество.

Идентичность моего поколения была столь же мозаичной, как и сама окружающая действительность. На чаше весов, на одной стороне, был бизнес, жажда потребления и денежной прибыли, на другой – философия и духовная аскеза. Жизнь представала в своей предельной контрастности, была переплетением динамики молодости, прагматики и сферы умопостижимого. При этом каждая составляющая тянула на себя. Редко кто себя чувствовал гармонично и понимал, что же он действительно хочет от жизни. Обсуждения трансцендентальной апперцепции и Dasein перекрывались не менее жаркими дискуссиями о хлебе насущном, взлете цен и устойчивом чувстве голода, о возможных подработках и семейных кризисах.

Кто-то стремился совершать духовные подвиги и ударялся в религию, многих манил Восток. Практическая сторона жизни и идеальная сфера плохо соотносились между собой и откровенно конфликтовали. В то же время писались стихи, устраивались жесткие философские дебаты, покупались и обсуждались новые книги, многие сидели в библиотеках и копировали любимые работы. Ленинка и Иностранка в нашу, тогда еще доцифровую пору были любимым пространством встреч, своего рода местами силы.

Мы все учились в ситуации разорванной традиции. Иногда это катастрофически ощущалось на занятиях. Крах советского проекта привел к идеологическому коллапсу, преподаватели-марксисты вдруг становились новоиспеченными либералами и начинали стесняться своего прошлого или умалчивали о нем, индифферентные к марксизму на фоне катастрофической нищеты все сильнее к нему склонялись, преподаватели-атеисты шли в церковь... То, что совсем недавно было доминирующей идеологией, вдруг стало маргинальной темой для обсуждения. И наоборот. Мы впитывали в себя этот дух противоречий, к нему добавлялся бытовой диссонанс. В курсе философии философия Маркса и Энгельса фактически обошла нас стороной, хотя спустя годы у многих возникло осознание, что с ней-то и стоило бы глубоко познакомиться. Отношение к окружающей постмодернистской реальности у преподавателей было тоже далеко не однозначным, и она также выпадала из поля глубокого философского обсуждения. Общество потребления царило вокруг, но отчаянно не хотело быть предметом осмысления.

Что привлекало, никто во время обучения не навязывал никакой идеологии, это было чем-то неприличным. У нас формировали дух свободы мысли в самом подлинном смысле этого понятия.

Преподаватели

Университет оставил совершенно замечательные впечатления о преподавателях философского факультета. Сама фигура В. В. Миронова сразу восхитила. Наш первый курс (1998) совпал по времени с первым годом его деятельности в качестве декана. В. В. Миронов сразу поразил своим спортивным духом. В нем как-то удивительно сочетались огромный ум, ирония и житейская мудрость. Факультет, как и вся страна, переживал сложный период. Вести философский корабль в то время было непросто. Он же умел очень тонко спланировать коллектив, создавать особую доверительную атмосферу как между преподавателями, так и между студентами и преподавателями. Именно В. В. Миронов с первых же дней погружал нас в мир философии, в ее язык. Лектором он был превосходным. Он же закладывал основания нашего самоопределения – через собственный разум.

О каждом преподавателе философского факультета можно сказать много теплых слов. Кто-то брал открытостью и добродушием, кто-то, наоборот, строгой харизматичностью.

Вспоминаются семинары на кафедре этики А. А. Зиновьева. Занятия проходили в небольшой аудитории. Было тесно, но интересно. Приходили студенты и сотрудники других факультетов – небольшой, но верный круг его поклонников. Мы называли его «сектой» Зиновьева.

Вообще казалось, он очень страдает от отсутствия последователей и настоящих учеников, критически воспринимающих его работы, пытался найти их среди нас... Мы же, студенты кафедры этики, побаивались его достаточно резкой манеры общения, прямолинейного харизматичного характера. В то же время безгранично его уважали. Наше настороженное отношение сгладило приглашение А. А. Зиновьева и его жены О. М. Зиновьевой по окончании семестра в гости. Мы увидели совершенно неповторимый дух профессорской интеллигенции, с интеллектуальными беседами, душевным застольем, музыкой, льющейся с фортепиано, за которым играла талантливая дочь Зиновьева. Домашняя атмосфера создавала другой образ Зиновьева как человека широкой души и размаха. Для меня во многом он стал определяющим.

Вообще нужно сказать отдельно, что многие студенты не успевали раскрыться во время учебы в университете. На фоне ошеломляющего всеобщего кризиса в стране они часто были откровенно загруженными жизненными обстоятельствами, стесняясь быть участниками философских дискуссий, выступая скорее пассивными слушателями. Это не всегда означало, что философией пренебрегали. Тотальное молчание, возникавшее на занятиях, далеко не все-

гда было вызвано нулевой подготовкой, но очень часто экзистенциальным вакуумом, наполняющим сознание многих студентов тех лет. Помню, как был опечален нашей пассивностью на одном из семинаров по истории зарубежной философии А. Ф. Зотов. Мы искренне восхищались его широким кругозором и умением рассказать о философии как о части культуры, не заикливаясь исключительно на персоналиях философов, и столь же искренне молчали на его занятиях.

В черном религиозноведческом теле держал всех К. И. Никонов: когда читался курс по философии религии, он автоматически становился центральным. Если что-то и зубрилось на факультете, то это у Кирилла Ивановича. Заученные отрывки священных текстов разных религиозных конфессий и молитвы – столпы веры – закладывались атеистически настроенным К. И. Никоновым. У него это здорово получалось, так же, как и формировать межконфессиональную толерантность и религиозный пиетет даже у глубоко неверующих. Он обгонял, пожалуй, всех своими великолепными актерскими данными и даром подачи сложного материала. На его лекции ходили как на какое-то магическое действие и неотъемлемый ритуал философской жизни. Думаю, для многих его лекции стали путеводной звездой в сложных религиозных поисках.

Очень привлекали камерные спецкурсы философского факультета. На кафедре этики, где проходила моя специализация, у каждого преподавателя был свой особый подход к студентам. А. А. Гусейнов всегда создавал абсолютно доброжелательную, даже домашнюю атмосферу на кафедре. Кафедра была отдушиной, определенной зоной безопасности. Спустя годы мы приходили на нее как в абсолютно родное пространство. Чувство дома поддерживала бессменный секретарь кафедры этики С. И. Токмакова. С ней всегда можно было обсудить любые проблемы, в том числе очень личного характера, и выйти окрыленным.

А. А. Гусейнов дарил по окончании спецкурса книги студентам, своим активным слушателям. Благодаря этому обычаю мне удалось получить его замечательную книгу «Великие моралисты». Вообще доверительная обстановка на кафедре очень грела и вызывала желание жить наукой дальше.

Незабываемыми были спецкурсы А. Г. Гаджикурбанова по Августину и Спинозе. Он зажигал нас своим вдохновением, экспрессивной подачей материала. Он дал мне очень дельные советы по тексту кандидатской диссертации, став оппонентом на защите, и она изменилась в лучшую сторону. И он же был первым научным руководителем по курсовой работе, поставив «4» и заставив задуматься о серьезном отношении к малым жанрам научных работ. Помню, как-то уже в аспирантуре или даже после защиты диссертации мы случайно увиделись на небольшом университетском рынке.

Слово за слово, и А. Г. Гаджикурбанов стал в своей обычной манере что-то очень увлеченно и чрезвычайно интересно рассказывать. Возле мясной лавки стали останавливаться и прислушиваться люди. Такая горячая философия отсылала к древнегреческому духу – источнику ее рождения, к прогуливающимся по рынку философам, вступающим в диалог с публикой. Здесь ощущалась магия философского самовыражения, гипнотизирующая слушателя живым спонтанным словом.

На кафедре поощрялась студенческая и аспирантская активность. Так, во время обучения в аспирантуре после нашего диалога с профессором А. В. Разиным был организован интересный семинар для аспирантов, где обсуждались наши диссертации и статьи, по нашей просьбе в 2008 году был запущен выпуск философско-этического альманаха «Проблемы этики». Для меня как участника и одного из инициаторов этих проектов это было хорошим включением в разностороннюю научную работу.

Глубокий след оставили авторские курсы философского факультета. На кафедре этики А. А. Гусейнов приглашал из Института философии ведущих ученых, специалистов с их авторскими курсами. В особенности запомнились спецкурсы по проблемам современной этики Т. А. Кузьминой, по арабо-мусульманской этической мысли А. В. Смирнова и по индийской

этике В. К. Шохина. Именно камерные спецкурсы помогли дать представление о полицентричной философии, многогранности традиций философствования.

К сожалению, нет возможности упоминать всех, да и у каждого было свое личное восприятие того или иного предмета. Например, мне глубоко запомнился семинар по Л. Витгенштейну, который вел А. В. Чусов. Здесь очень медленно, бережно и кропотливо разбирались положения «Логико-философского трактата». Такое глубокое прочтение, на которое отводилось достаточно времени, отражало саму суть философии как вдумчивого диалога на равных. Медленная философия, мне кажется, давала самые хорошие плоды, оставляя в памяти след умного созерцания.

Был и другой стиль философствования. Условно назову его философией молчания. Речь идет о перформансах, которые устраивал со студентами на курсе по эстетике С. А. Мигунов. Перформанс как вид актуального современного искусства давал стимул для обсуждения самых важных тем, которые сложно было схватить словами.

Невозможно забыть В. Л. Рабиновича. Разные байки о его неординарной личности ходили по факультету. Я однажды случайно попала на его авторский спецкурс на кафедре философской антропологии, хотя и специализировалась на другой кафедре. Он стал разбирать со студентами зоны ответственности. Посмотрев на меня, худенькую девушку в платье красно-бордового цвета, он хитро улыбнулся и в свойственной ему юмористической манере высказывания сказал: «А Вы, видимо, будете отвечать за любовь...» Прозорливым он был... вскоре последовала моя семейная жизнь, дети, и это накладывало уже совершенно другой отпечаток на мировоззрение и восприятие философии в течение всего последующего обучения и до настоящего времени.

Необычайно интересные темы для обсуждения также возникали на курсе по естествознанию В. Г. Буданова. Философский словарь, связанный с научным аппаратом синергетики, был заложен в нас именно им. «Нелинейность», «фракталы» и «бифуркации» были любимыми модными словами, которые часто использовались в дискуссиях и переносились на многие социальные явления.

На меня также оказал огромное влияние спецкурс по биоэтике, который читал профессор А. Я. Иванюшкин. Тематика курса коррелировала с событиями личной жизни, и это оказало влияние на весь путь дальнейших научных исследований. Биоэтическая проблематика оказалась не только теоретически осмыслена, но и прожита, став неотъемлемой частью идентичности.

На стадии написания дипломной работы А. Я. Иванюшкин познакомил меня с П. Д. Тищенко, к которому я ходила на спецкурс во время обучения в аспирантуре. Он завоорожил совершенно исключительной подачей философского материала, вовлечением в диалог и письмом студентов. Интерактивные занятия давали важный эффект формирования навыков творческого письма. Именно к нему я впоследствии после долгих мытарств попала на работу в Институт философии РАН.

На философском факультете МГУ было достаточно мало курсов, где бы делался упор на актуальных проблемах самой актуальной философии, была определенная традиция делать упор на классиков. Однако потребность в осваивании актуальных философских течений оставалась, поэтому мы очень ценили тех, кто мог посоветовать что-то стоящее из нового. П. Д. Тищенко вводил в современное поле философствования, где биоэтическая проблематика, ее апории и парадоксы, прорабатывалась в актуальном философском контексте.

Во времена нашего обучения, в особенности в аспирантуре, появилось много возможностей образовательных поездок за границу. Вспоминаю свой первый Шенген, связанный с поездкой на летнюю школу по правам человека в Варшаве от Хельсинкского фонда по правам человека. Однако стремление ощутить особую атмосферу европейских городов подавляло потребность получать заданное рамками школы знание. Поэтому мы тайно уходили с занятий, пытаясь впитать в себя дух Европы.

Были и другие прекрасные научные школы. Их география была предельно широкой. Тематически они строились на исключительно актуальных темах. Невозможно забыть летнюю школу по аналитической философии религии во Львове, по науке и религии от Библейско-Богословского университета, множество конференций в странах ближнего зарубежья, в Москве на базе МГУ проводились очень насыщенные по содержанию российско-американские школы по гуманизму профессора В. А. Кувакина.

Достаточно остро воспринималось вхождение теологии в нашу жизнь. Одна моя однокурсница лишилась работы в известном вузе, где появились кафедры по теологии. Лекционные часы по философии были отданы этому предмету. Кроме того, позднее уже после аспирантуры оставшиеся работать преподавателями столкнулись с новым вызовом со стороны возникшего предмета «Основы религиозных культур и светской этики». На моих глазах разворачивалась неясная конкуренция между философами и богословами. Такого рода процессы часто ощущались как вторжение в профессиональную область и навязывание новых образовательных стандартов.

В заключение

Как можно оценивать мое философское поколение? Ю. В. Синеокая в частной беседе назвала его поколением одиночек. Во многом это так. Я училась со студентами 2003 и 2004 годов выпуска. Жила в трех разных общежитиях МГУ и была переполнена совершенно разными студенческими впечатлениями, которые, как и у многих, переплетались с заботой о семье, подработками и прочими совершенно далекими от учебы факторами. В то же время мой опыт учебы никак не претендует на полноту описания и может быть кардинально противоположен опыту студенческой жизни других моих однокурсников. И все же хотелось бы внести пару обобщающих тезисов.

Если оценивать выпуск 2003 года, то здесь огромное влияние имели отдельные личности студентов. Своей экспрессией зачастую они подавляли других. Философские дебаты очень часто устраивали одни и те же участники, и дискуссии зачастую представляли собой диалог нескольких лиц, не более. «Кричащие» личности студентов и впоследствии заявили о себе, но уже в широком публичном пространстве.

Не помню широкого распространения идеи авторских философских кружков или масштабных научных семинаров, творческих посиделок на даче или на кухне – тех форматов философии старших поколений, которые могли бы определять не только индивидуальную, но и коллективную идентичность студентов.

Дело философии, как правило, осуществлялось в аудиториях, и дух философии, за редким исключением, носил академический характер.

Философский выпуск 2004 года был более спокойным, временами даже пассивным. Ряд однокурсников с этого выпуска сейчас успешно работают в университете, реализуя путь академической карьеры. Какие факторы стали определяющими для формирования лица того или иного выпуска, его идентичности, сказать сложно, равно как и невозможно предсказать, как она сможет проявить себя в будущем.

В этой связи оценивать вклад в философию, сделанный моим поколением, пока еще рано. Вместе с тем стоит признать, что подавляющее большинство моих однокурсников реализовывают себя отнюдь не в сфере философии. Причин этому множество. Часть из них я упоминала выше.

В то же время некоторые вполне успешно нашли себя в философии или смежных гуманитарных областях знания. Развивался проект Московского философского колледжа, совсем недавно начался процесс реализации идеи Свободного университета. Они связаны с личностными усилиями моих однокурсников 2003 года выпуска. Сами проекты общедоступны, уникальны еще и тем, что идут вразрез с тенденцией коммерциализации знания. Возможно, здесь отражается ностальгия по бесплатной науке и образованию, вера в которые является

неотъемлемой характеристикой ментальности многих представителей моего поколения еще с советского детства, или же речь идет о следовании общемировым тенденциям закладывания образовательных трендов, работающих без денег.

Ряд моих однокурсников оказались успешны за рубежом, в том числе в сфере образования и науки, многие оказались на стажировках в ведущих университетах мира, часть связали свою научную карьеру с преподаванием в вузах ВШЭ и МГУ, часть уже уволены оттуда, возможно, по политическим причинам... Их лица видны на телевидении и в колонках периодических изданий, они поэты и переводчики, бизнесмены, юристы, психологи, оставившие философии сферу досуга, а не научной карьеры. Те же, кто сделал ее и своим призванием, и профессией, занимаются проблемами современной этики, искусственного интеллекта, философией музыки и много чем еще, подхватывая самые актуальные темы и не забывая отдавать дань философской традиции.

И в то же время это философское поколение трудно назвать одержимыми философией. При всей любви к ней студенты добывали знание в разных сферах жизни, гуманитарных и негуманитарных, имеющих отношение к философии и совсем не связанных с нею. Они проявляют себя на совершенно различных площадках, причем в большей степени совсем не связанных с философией. Именно поэтому я назвала это поколение нефилософским. Тем не менее в ситуации 90-х – начала 2000-х оно формировалось как абсолютно экзистенциальное.

Подчеркивая сложившуюся нефилософскую идентичность моих однокурсников, все же еще раз хотелось бы обратить внимание на тех, кто связал свою жизнь с философией или занимается исследованиями на стыке наук, в пространстве культуры и общественной деятельности.

Упомянуть всех чрезвычайно сложно, и поэтому остановлюсь на краткой характеристике лишь некоторых. Подчеркну, что речь идет о выпускниках философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2003, 2004 годов выпуска.

Алла Вронская, приглашенный лектор в Институте истории и теории архитектуры в Цюрихе, доктор философии по истории архитектуры Массачусетского технологического института, исследователь советской модернистской архитектуры, истории ландшафтной архитектуры.

Андрей Богомолов, кандидат философских наук, преподаватель философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель информационно-технического отдела философского факультета, исследователь в области философии музыки, автор спецкурсов.

Елена Жосул, кандидат политических наук, доцент, специалист по политологии религии, журналист и ведущая телепередач на канале «Спас», общественный деятель.

Ирина Авдеева, кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по внеаудиторной работе со студентами, преподаватель по общим курсам «Этика» на философском факультете МГУ, «Этика в связях с общественностью и рекламе», автор спецкурсов по профессиональной этике.

Кирилл Мартынов, кандидат философских наук, доцент, преподаватель, исследователь в области современных политических теорий, аналитической философии и социологии; журналист, доцент, редактор отдела политики «Новой газеты», основатель Свободного университета.

Наталья Ключева, кандидат философских наук, доцент, преподаватель философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, занимается исследованиями в области философии искусственного интеллекта, член Программного комитета Научного междисциплинарного семинара «Нейронаука и философия», автор многочисленных спецкурсов.

Павел Хицкий, ведущий редактор ИНИОН РАН, писатель, обозреватель, журналист.

Петр Сафронов, кандидат философских наук, руководитель образовательной программы «Доказательная образовательная политика» в НИУ ВШЭ, исследователь в области феноменологической философии и социологии, философии образования.

Татьяна Постникова, кандидат философских наук, преподаватель НИУ ВШЭ, преподаватель Антиуниверситета, исследователь в области философской теологии, философии искусства, русской философии.

Каждый из упомянутых выше выпускников философского факультета МГУ нашел свою нишу в российском гуманитарном пространстве. Во многом они определили отличительные черты «философского лица» моего (не)философского поколения. Каким оно будет в дальнейшем, покажет время. Как говорил М. Мамардашвили, событие должно «дособытаться» [Мамардашвили 2019]. Событие поколенческого философского высказывания – также.

Выражаю искреннюю благодарность Ирине Кургановой, Дарье Лясоте, Наталье Чиколлини, Дмитрию Белолобскому, Ирине Авдеевой, Полине Максимовой, Анастасии Блюхер, Евгению Шлакину за дружескую поддержку, встречи и воспоминания.

Беттельхейм Б. *Люди в концлагере*. – Доступно: URL: <https://coollib.com/b/246373/read>. – Проверено: 27.03.2024.

Бродский Б. *Не выходи из комнаты, не совершай ошибку*. – Доступно: URL: <https://stihi.ru/diary/valery31/2020-03-14>. – Проверено: 27.03.2024.

Мамардашвили М. 2019. *Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики)*. – СПб.: Азбука.

Harman G. *Lockdown and the Sense of Threat*. – Доступно: URL: <https://baykusfelsefe.com/2020/05/06/tecrit-ve-tehdit-lockdown-and-the-sense-of-threat-graham-harman/>. – Проверено: 07.07.2020.